

мополитизму приходит конец... Теперь картина изменилась... [На этой основе] может родиться необходимый национальный подъём, который в патриотическом порыве вернее сметёт старую гниль и приведёт страну к возрождению... [Иначе] неразрешима проблема «Великой России»⁸.

Лучше и глубже всех о соборно-народном, «срединном» курсе Столыпина сказал после его трагической гибели В. В. Розанов: «Что ценили в Столыпине? Я думаю, не программу, а человека; вот этого «воина», вставшего на защиту, в сущности, Руси»; «Дела его правления никогда не были партийными, групповыми, не были классовыми или сословными; разумеется, если не принимать за «сословие» — русских и за «партию» — самое Россию»; вот этот «средний ход» поднял против него грызню партий, их жестокость; но она... была бессильна, ибо все-то чувствовали, что злоба кипит единственно оттого, что он не жертвует Россиею — партиям»⁹.

«МЫ БЫЛИ ПРАВЫ, ОБОРОНЯЯ НАШУ СВОБОДУ»

После трагедии революции и Гражданской войны положительный взгляд просвещённых консерваторов и национально ориентированных либералов на Столыпина только укрепился. Правый кадет В. А. Маклаков критиковал радикалов-однопартийцев, в первую очередь П. Н. Милюкова, за то, что они «сбросили» прежнюю «традиционную власть», которая, несмотря на своё нежелание, всё-таки вела страну в направлении развития гражданской свободы. В этом контексте Столыпин, по Маклакову, был совершенно незаменим, поскольку соединял законную «историческую власть» с делом окончательного гражданского освобождения страны. Считая монархическую власть единственно приемлемой в условиях революционной угрозы, политик полагал, что «Россия могла войну выиграть и что революция не была неизбежной». В этом суждении Маклакова главным доводом была фигура Столыпина, выдвинутого именно Старой Россией. Он писал Бахметеву, поясняя эту мысль: «Как Вы справедливо замечаете, будь Столыпин вместо Горемыкина, Штюрмера и пр., картина была бы иная»¹⁰.

Способность избрать путь «золотой середины» — спасения исторической России и осуществления её модернизации — проявлялась, по Маклакову, в понимании Столыпиным невозможности оздоровления России без привлечения к делу народа и конструктивных сил общества, действующих помимо государства. В этом смысле революция оказалась проявлением реакции государственного деспотизма, изживавшегося Столыпиным, на радикализм Милюкова и Ленина¹¹.

Стратегия Столыпина соединила русские национально-государственные традиции с новым курсом на окончательное гражданское освобождение народа. На этот столыпинский «интеллектуально-волевой акт» обратил внимание Ильин в своём программном завещании «Наши задачи», опубликованном в виде отдельных статей в конце 1940-х — середине 1950-х годов. В одной из статей этого цикла — «Мы были правы» — он писал: «Мы были правы, отстаивая нашу религиозную веру, ибо у безбожных и отречённых людей разлагается сама сердцевина их духа и совести, высыхает и деморализуется их наука, развращается их искусство, разлагается их семья, выдыхается их культура. Мы были правы, обороняя нашу свободу...»¹². В другой статье цикла Ильин пишет: «Последние годы русской государственности выдвинули два противоположные облика политического «оратора»: дивное красноречие П. А. Столыпина, насыщенное молчаливою мыслью и волевым действием, и аффектированное пусторечие Керенского, с его позой, фразой, бессмыслием и безволием»¹³. Подобные заключения о роли Столыпина были типичны для свободно-консервативной зарубежной России. Не случайно участники Российского Зарубежного Съезда, проведённого в Париже (1926), почтили память Столыпина вставанием¹⁴.

«ЗАКОНЫ ИЗМЕНЯТЬ... БУДЕТЕ ВЫ»

Уже в I Думе премьер заявил, что власть должна быть активна в своей деятельности, ибо «бездействие власти ведёт к анархии»¹⁵. Ключевой для уяснения кредо Столыпина является его первая программная речь во II Государственной думе. Председатель Совета министров попытался «осветить руководящую идею правительства» страны, «находящейся в периоде перестройки, а следовательно, и брожения»¹⁶. Столыпин дал ясно понять, что цель реформ не сводится к аграрному переустройству, каковое является лишь главным из средств. Политик подчёркивал, что «многовековая связь русского государства с христианской церковью обязывает его положить в основу всех законов о свободе совести начала государства христианского, в котором Православная Церковь, как господствующая, пользуется данью особого уважения и особою со стороны государства охраною»¹⁷.

Возражая Маклакову, который позднее станет его апологетом, по вопросу приемлемости военно-полевых судов, Столыпин вновь призвал Думу «стать не на разрушение исторического здания России, а на пересоздание, переустройство его и украшение»¹⁸. Никакой «тонкий» юридизм не должен становиться хитроумным орудием разрушения — вот основной смысл слов председателя правительства. Столыпин именно тогда изрек своё знаменитое: «Бывают, господа, роковые моменты в жизни государства, когда государственная необходимость стоит выше права и когда надлежит выбирать между целостью теорий и целостью отечества»¹⁹.

Показательно, что в том же духе размышлял до него и И. С. Аксаков в статье 1865 года «Русское самодержавие — не немецкий абсолютизм и не азиатский деспотизм», отмечая сверхправовой характер русского самодержавия, воплощающего «полную свободу правительственного действия, неограниченную свободу государственной власти» с возможностью торжества столь же неограниченной народной гражданской свободы, предполагающей «полную свободу бытовой и духовной жизни»²⁰. Позднее Розанов в «Опавших листьях» писал: «Государство есть сила. Это его главное. Поэтому единственная порочность государства — это его слабость»²¹.

Столыпин, отвечая тому же Маклакову, но уже в III Думе, сказал: «Мне кажется, что я уже ясно от имени правительства указал, что строй, в котором мы живём, — это строй представительный, дарованный самодержавным Монархом и, следовательно, обязательный для всех Его верноподданных»²².

Столыпин, так же как и его предшественники, полагал, что историческая самодержавная власть в России сильна тем, что способна к свободному действию во имя укрепления общественного и государственного единства и «исторической правды»²³. Отстаивая право царя на полноту суверенитета, он заявлял, что «центр тяжести, центр власти лежит не в установлениях, а в людях»²⁴. Законность самодержавной царской власти, по Столыпину, обеспечивает оптимальную основу для дальнейшего утверждения правовой государственности в России, а не противоречит ей, как полагали радикалы всех направлений — от Милюкова до Ленина. В I Думе Столыпин ясно на это указывал: «Обязанность правительства — святая обязанность ограждать спокойствие и законность, свободу не только труда, но свободу жизни, и все меры, принимаемые в этом направлении, знаменуют не реакцию, а порядок, необходимый для развития самых широких реформ»²⁵. На обвинения кадетов в отсутствии у правительства и у него лично должного правосознания Столыпин отвечал: «Согласно понятию здравого правосознания, мне надлежит справедливо и твёрдо охранять порядок в России... Это моя роль, а захватывать законодательную власть я не вправе, изменять законы я не могу. Законы изменять и действовать в этом направлении будете вы»²⁶.